

Жун Лоюнь внезапно расслабился, и оставшаяся половина его уверенности рассеялась.

Не довольствуясь тычком, Хо Линьфэн поднял руку и погладил Жун Лоюня по затылку:

— Гунчжу специально пришел, чтобы устроить мне допрос?

Затем он слегка сжал хрящ уха Жун Лоюня:

— Прошло меньше двенадцати часов с тех пор, как я выразил свои чувства, а ты уже сомневаешься во мне?

Ситуация изменилась, и Хо Линьфэн повернул его к себе.

Жун Лоюнь оправдывался:

— Это твой брат не все объяснил...

Он приблизился, намереваясь взять Хо Линьфэна за руку, но тот уклонился, повернувшись спиной. В растерянности Жун Лоюнь замер, но Хо Линьфэн снова протянул руку, держа веер, и резко махнул им в его сторону.

Прохладный ветерок ударил в лицо, но почему-то оно стало еще горячее.

Веер приблизился и мягко коснулся его щеки.

Хо Линьфэн сказал:

— Шелковый веер наконец дождался своего возлюбленного.

Жун Лоюнь поймал веер, чувствуя, как в его сердце закипает вода и пузырится. Как использовать этот девчачий предмет? Махать им в комнате или обернуть тканью? Только летом? Но он не хотел отпускать его в любое время года. Что делать?

— Гунчжу!

Раздался крик, и несколько учеников ворвались внутрь:

— Гунчжу, ворота дворца взломаны!

Жун Лоюнь и Хо Линьфэн оба вздрогнули и тут же выбежали из зала, устремившись к воротам бок о бок. Ученики последовали за ними, все вышли на улицу, чтобы встретить врага.

Остановившись в сотне шагов, они увидели, что ворота широко открыты, а посреди улицы стоит один человек.

Он был одет в черный халат, с седыми волосами, морщины не скрывали его величественной осанки. Удивительно, но вокруг него ощущалось мощное внутреннее усилие, из-за чего опавшие листья вокруг образовывали вихрь, а птицы, приближаясь, ломали крылья и падали.

Многие против одного — казалось, избежать беды невозможно.

Кто бы мог подумать, что Жун Лоюнь бросится вперед.

Как птенец, возвращающийся в гнездо, или ребенок, возвращающийся домой, он радостно

крикнул:

— Шифу!

Дуань Чэньби громко рассмеялся и раскрыл объятия.

Учитель и ученик крепко обнялись на мгновение. Шесть лет не виделись — учитель постарел, а ученик вырос. Жун Лоюнь, переполненный чувствами, обвинил Дуань Чэньби, как ребенок, обнимающий отца, и его голос дрожал.

Дуань Чэньби погладил его по голове:

— Мой ученик такой величественный, командует столькими учениками.

Жун Лоюнь сказал:

— Шифу, не смейся надо мной.

Он повел его внутрь, и за сотню шагов невозможно было рассказать все, что произошло за шесть лет, поэтому он говорил только о радостном:

— Шифу, я скучал по тебе, ты думал обо мне, когда был в затворничестве?

Эти слова не следовало произносить громко, и Дуань Чэньби тихо ответил:

— Конечно, думал, но не капризничай.

Жун Лоюнь спросил:

— Ты больше думал обо мне или о старшем брате?

Дуань Чэньби фыркнул:

— Давай посчитаем до пяти, и если он не придет встретить меня, я выгоню его из школы.

Сказав это, он поднял руку. Ладонь была огромной, с выступающими костяшками и грубой кожей, на которой не было видно линий.

На счет три Дуань Хуайкэ наконец появился, его обычно спокойное лицо не могло скрыть волнения.

— Отец, — почтительно произнес он, еще не подойдя ближе.

Полы его одежды развевались, и, остановившись, он совершил глубокий поклон, назвав его «папой».

— Вставай, — протянул руку Дуань Чэньби.

Дуань Хуайкэ взял ее и встал рядом с ним. Два любимых ученика по бокам — он был доволен, бегло оглядев остальные лица.

Его взгляд задержался на одном человеке, чья осанка выдавала силу, манеры — происхождение, а внешность — благосклонность богини Ньювы. Этот человек выделялся во всем, и в нем чувствовалась аристократическая натура, не свойственная простым людям.

Дуань Чэньби спросил:

— Кто этот молодой человек?

Жун Лоюнь ответил:

— Это старший ученик Ду Чжун, весьма способный.

Хо Линьфэн сложил руки в приветствии:

— Я Ду Чжун, приветствую великого мастера Дуаня.

Подняв взгляд, он спокойно встретился глазами с Дуань Чэньби.

Среди людей его возраста отец был неприступным, Чэнь Жоинь — хитрым, Шэнь Вэньдао — изысканным, а ранее виденный Цинь Сюнь — легкомысленным и коварным. Теперь, глядя на Дуань Чэньби, он ощущал, что в этом человеке сочетается земное и возвышенное, а его движения излучали искренность.

После обмена взглядами Дуань Чэньби ничего не сказал.

Учитель и ученики направились в Зал Чэньби, и теперь этот огромный дворец наконец обрел своего хозяина.

Ученики последовали за ними, вернувшись на Платформу Мяоцан, чтобы продолжить тренировки. Выстроившись в ряды, Хо Линьфэн остановился у подножия ступеней, наблюдая за всем. Кто замешкался, кто ошибся — он выявлял их и строго наказывал.

— Девятый прием, «Отделение сердца и отбор меча»! — громко скомандовал он. — Двадцать третий прием, «Сосредоточение ци и управление поводьями»!

Дуань Чэньби уже собирался войти в зал, но, услышав это, резко обернулся. Его глаза, словно холодный пруд, устремились на Хо Линьфэна. Девятый прием, двадцать третий прием, команды продолжались: четвертый прием, пятнадцатый прием...

Заметив, что он остановился, Жун Лоюнь спросил:

— Шифу, что-то не так?

Дуань Чэньби отвел взгляд и покачал головой, войдя в зал. Двери закрылись, и звуки тренировок остались снаружи. В зале горели благовония, и атмосфера была умиротворяющей. Едва сев, он взял со стола шелковый веер, расшитый с двух сторон.

Дуань Чэньби спросил:

— Чей это возлюбленный?

Жун Лоюнь внутренне сжался, тихо ответив:

— Мой.

Он отобрал веер и начал махать им, чтобы скрыть смущение, добавив:

— На нем вышиты белые ягоды, мне нравится...

Никто не обратил внимания на его предпочтения. Дуань Хуайкэ подал чай, а Дуань Чэньби задавал вопросы, и двое уже обсуждали другие темы. Жун Лоюнь чувствовал себя неловко, засунул веер за пояс и робко попытался присоединиться к разговору.

После долгой разлуки учитель и ученики наконец воссоединились, и даже мелочи обсуждали часами.

В полдень Жун Лоюнь помог Дуань Чэньби отдохнуть и только тогда покинул Зал Чэньби. Тренировки продолжались около часа, и ученики толпой отправились обедать, оставив Хо Линьфэна одного на Платформе Мяоцан.

Платформа была пустынна, и ветер развеивал его одежду.

Из рукава Хо Линьфэна выглядывал серебристо-серый шарф, обернутый вокруг запястья. Жун Лоюнь, увидев его, серьезно спросил:

— Почему старший ученик еще не ушел?

Хо Линьфэн ответил:

— У меня есть дело доложить.

Приблизившись, он, пользуясь моментом, провел рукой по спине Жун Лоюня через одежду:

— На кухне приготовили суп из баранины и рыбную лапшу, гунчжу доволен?

Жун Лоюнь сказал:

— Не доволен, звучит слишком горячо.

Они продолжили путь к Залу Цяньцзи, разговор был долгим, и дорога казалась короткой. Хо Линьфэн сопровождал его дальше. Проходя мимо пруда с лотосами, он решил освежиться и взобрался на маленькую лодку. Жун Лоюнь стоял на берегу в нерешительности, лодка была так близко к воде, что можно было коснуться ее рукой, и он боялся.

Хо Линьфэн протянул руку:

— Ты боишься, даже если я здесь?

Жун Лоюнь подумал: «Разве в прошлый раз я не упал в воду из-за тебя?» Но, несмотря на это, его рука сама потянулась к Хо Линьфэну, была крепко схвачена, и он был резко втянут на лодку. Покачиваясь, он сжался, как перепелка, с жалким выражением лица.

Это выглядело смешно, но в глазах Хо Линьфэна это было скорее мило и трогательно. Он расставил ноги, позволив Жун Лоюню сесть перед ним, обняв его и используя как опору.

Жун Лоюнь перестал бояться, ухватившись за ногу Хо Линьфэна, он смотрел на рыб и цветы, сорвал лотос и начал есть семена. Хо Линьфэн, не желая оставаться в долгу, начал хаотично грести, намеренно брызгая холодной водой на Жун Лоюня.

— Что ты делаешь?

— Только сам ешь.

Жун Лоюнь «охнул», очистил несколько семян и протянул их Хо Линьфэну:

— Свежие, сладкие и ароматные, — похвалил он себя.

Хо Линьфэн причмокнул, крайне нагло:

— Не сравнить с гунчжу.

Жара, которую они пытались снять, мгновенно вернулась. Жун Лоюнь тут же отвернулся, смущенный, растерянный, его воображение разыгралось... Он сжал лотос в руках, выжимая сок, который капал на дно лодки.

Они постепенно углубились в заросли лотосов, вокруг были листья, и было тихо и спокойно. Хо Линьфэн перестал грести и начал собирать цветы, сорвав несколько и положив их Жун Лоюню на колени. Жун Лоюнь, держа цветы, понюхал их и придирчиво сказал:

— Они еще не раскрылись, все бутоны.

Хо Линьфэн сказал:

— Так они дольше простоят.

Сорвав еще один цветок, он наклонился, обняв Жун Лоюня, и подбородком уперся в его плечо:

— Бутоны готовы раскрыться, как сказал бы гунчжу, свежие.

Верхушка бутона была закрыта, и он провел по ней пальцем, затем медленно проткнул ее. Жун Лоюнь, глядя вниз, спросил:

— Что ты делаешь...

Хо Линьфэн ответил:

— Раскрываю его.

Вынув палец, лепестки снова сомкнулись, и он толкнул Жун Лоюня грудью:

— Гунчжу, понимаешь?

Жун Лоюнь, покраснев, кивнул. Он невольно подумал, что вода — это не страшно, люди страшнее...

Собрав полную лодку цветов, они услышали, как Дяо Юйлян храпит в беседке из камыша. Хо Линьфэн воспользовался моментом:

— Четвертый гунчжу живет скромно, не то что Павильон Цанцзинь.

Упомянув Павильон Цанцзинь, он заговорил о Лу Чжуне и добавил:

— Третий гунчжу очень близок с гунчжу, вернувшись из Чанъаня, он первым делом отправился в Безымянную обитель.

Жун Лоюнь подумал, что человек ревнует, но потом понял, что что-то не так:

— Кажется, я не говорил, куда отправился третий.

Авторское примечание: Дневник настроения Сяо Жуна 4: Лето, ясно. Третий вернулся, шифу вышел из затворничества, Ду Чжун признался в любви, любовь проснулась!!!

<http://bllate.org/book/16167/1449367>